

УДК 811.512.1

ТЕМА «СНА И ЯВИ» В РОМАНЕ Ю.САМЕДОГЛУ «ДЕНЬ КАЗНИ»

Сулейманова Н. Э.

*Азербайджанский Университет Языков
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В представленной статье исследуется роман известного азербайджанского прозаика Ю.Самедоглу с точки зрения идеи двоемирия. Роман «День казни» классифицируется как произведение, созвучное жанру антиутопии, решает актуальную для XX века проблему человека и власти в своеобразной интерпретации – художник-правитель. Главная дихотомия в прозе Ю.Самедоглу заключается в противопоставлении «сна» и «яви», вопроса о разрешимости и неразрешимости этого противоречия. В ходе исследования выяснено, что категория времени в исследуемом романе весьма своеобразна, оно движется очень медленно и подвержено ретроспективам. Автор приходит к выводу, что роман «День казни» написан в драматически-психологическом стиле, созвучном жанру антиутопии и обладает некоторыми характерными чертами экзистенциализма. Таким образом, Ю.Самедоглу умело соединил в своем произведении основные течения философии и веяния XX века, создав свой самобытный роман.

Ключевые слова: Ю.Самедоглу, тоталитаризм, масса, власть, правитель, художник.

Постановка проблемы. В прозе крупного азербайджанского прозаика XX века Юсифа Самедоглу потусторонний мир – одно из главных условий жизни. В его художественном мире идея двоемирия – главная. Изображая тоталитарный режим Ю.Самедоглу как бы отходит от принятой модели европейских писателей, таких как, скажем, Дж.Оруэлл, О.Хаксли, которые считали, что тоталитаризм возможен только при условии отсутствия иного мира. Они изображали атеистический мир, типичный для тоталитаризма. В азербайджанской литературе, имеющей глубокие восточные корни, идущие от Низами, всегда присутствует метафизическая идея, зыбкая и подвижная граница плюралистической жизни.

Главная дихотомия в прозе Ю. Самедоглу заключается в противопоставлении «сна» и «яви», вопроса о разрешимости и неразрешимости этого противоречия.

По мере прочтения произведения становится ясно, что героев романа объединяет не только реальная жизнь, но и фантастический мир сновидений – все являются персонажами одной и той же жизни и одного и того же сна.

Зульфугар, Татар Темир, фельдшер Махмуд, Сади эфенди, Большой и другие герои романа, по сути, проживают одну и ту же жизнь, видят будто бы расколотые осколки одного сна в мире сладких и горьких грез.

На поминках Зульфугара становится известно, что Татар Темир увидел во сне голодного волка. То есть, украшающие первые страницы романа сцены средневековья, баталии, трупы на земле и образ волчицы, наблюдающей за всем этим издаലെка,

внезапно вторгаются в реальную жизнь и заставляют содрогнуться, в первую очередь, фельдшера Махмуда.

Мир сновидений начинает подчинять себе действительность:

«Ай Махмуд, я увидел, что нахожусь в лесу вроде нашего Гараязы. Головой твоей клянусь, истинно так. Я увидел, что один ужасный волк сидит на щите, в кино можно увидеть такие щиты, сидит и смотрит, а в глазах его, ей-богу, сверкают огромные звезды» [1, 39].

Затем писатель переходит к размышлениям о сне. А во сне воскресают древнейшие эпохи, именно там каждый становится свидетелем преступлений своего отца, встречается с собственной трусостью, со своей животной натурой, тотемом и, наконец, развиваться в сюжете под названием «жизнь».

Именно здесь вступает в силу особая эстетика романа, произведение вступает в точку слияния обоих миров и ставит героя – Больного лицом к лицу с его животной натурой. Для Больного этот тотем – отвратительное создание под названием Кирликир, живущая в его дворе крыса.

Согласно мифологическому мышлению каждый человек обречен встретиться со своим тотемом. Художественная литература широко использовала этот прием, что придает художественному тексту особое эстетическое измерение. В мифологии подобная встреча раскрывает перед героем путь к иному, мистическому миру.

У Самедоглу она происходит на уровне «художник-правитель» и означает встречу художника со своим внутренним, главным «я». Если в мифологии встреча с зоологическим предком раскрывает перед ним тайны инобытия, то Кирликир раскрывает перед Больным двери посюстороннего мира. Тем самым наши художники лишаются входа через дверь в мир потусторонний. Противостояние «художник-правитель», в итоге, превращается в беседу с противоположной стороной – не с правителем, а с зоологическим тотемом художника.

« Я живу в этом мире уже 350 лет я, говоря вашими словами, матерая крыса...Мне все подвластно...Хочешь, сделаю тебя председателем копторгинтерлюкса...» [1, 52].

В мифологических текстах во время встречи с зоологическим тотемом герой обычно слышит именно подобные слова. Он слышит мечты и чаяния человека и воплощает их в жизнь.

Если верить мифологической логике, Больной, считающийся представителем азербайджанской интеллигенции, должен услышать от Кирликира свою самую заветную мечту, которая в итоге должна воплотиться в жизнь.

Наш интеллигент начинает вести бытовой разговор с Кирликиром, занимающим самую низкую ступень среди подчиненных правителя.

« – Хочешь, в мгновение ока сделаю тебя английским лордом, а? Он совсем разгорячился, встал на задние лапки и принялся прохаживаться среди мусорных ящиков, почесывая передними лапками живот. – Или хочешь, знаю хочешь, сделаю тебя главным звездочетом, там здорово, а, братишка?...» [1, 52].

В эту минуту Больной будто пробудился ото сна: это происшествие, его встреча и беседа с Кирликиром среди зловонных мусорных ящиков, все эти чувства, ощущения уже когда-то случались, давно ли, недавно – этого он сказать не мог, но они

точно имели место. Он даже вспомнил лампочку, висящую на подпорке у входа в мусорку, лампочку, отбрасывающую тусклый свет на мусорные ящики и уподобил свет этой лампочки свету далекого фонаря, который он часто видел во сне...» [1, 52]

Как видно, здесь давние воспоминания внезапно вторгаются в явь или в подсознание, базирующееся на мифологическом мышлении. Воспоминания совершают свою работу – больной интеллигент полностью уверен в том, что он встретился с Кирликиром, своим зоологическим тотемом. Вот в этот момент больной интеллигент теряет свое человеческое внутреннее «я» и полностью идентифицирует себя с Кирликиром. Не случайно, внутренние молчаливые сомнения Больного почему-то полностью ясны Кирликиру. Значит, Кирликир уже проник во внутренний мир интеллигента!

В мифологических текстах встреча с зоологическим тотемом дарит герою все качества своего тотема. Наш Большой после встречи с Кирликиром начинает точно так же почесывать свой живот.

«Замина могла поклясться, что никогда не видела своего мужа таким счастливым, таким довольным: его лицо выражало радость и удовлетворение. Когда она вошла с чаем в столовую, развалившийся в кресле муж, расстегнув рубашку, с наслаждением почесывал свой живот» [1, 61].

Таким образом, Кирликир передает свои качества Больному. Интеллигент почесывает живот. Его тело покрывается крысиной шерстью...

Сюжет «Превращения» Кафки вторгается в иной форме в азербайджанскую прозу.

Сказки обещают своим героям встречу с падишахом-тираном, но судьба уготовила Больному иную встречу- возможность встретиться с крысой и поговорить с ней на человеческом языке!

Здесь интеллигент Большой вступает в контакт не с падишахом, а с Кирликиром, с тем, кто занимает самую низшую ступень в иерархии тварей и учится у него тайнам не горнего, а дольного мира. Ну и дела! Кирликир возвращает Больного в мир!

Противостояние «художник – правитель» предстает здесь в самом малом, примитивном виде. Становится ясно – художник и падишах сходятся лицом к лицу только в сказках. В нынешнее время художники лишены этой возможности. Их падишах – Кирликир, обитающий на мусорке, а тот, кто встретился с падишахом, остался в прошлом – это писатель Сади эфенди, писавший роман в 30-е годы. Его антагонистом является другой писатель – Мухтар Керимли.

Так как роман написан в паратекстуальном ключе, здесь в его сюжет вторгается мир сновидений. Но неизвестно, кто видит этот сон – Большой, фельдшер Махмуд, Сади эфенди, жена Больного – Замина ханума, покойный Зульфугар или Татар Темир.

Во сне, именно в этом сне, дилемма «художник-правитель» раскрывает свои драматические тайны...

Из крепости, окруженной Падишахом, приходит делегация поэтов и просит встречи с правителем. У них лишь одна мечта, чтобы великий Шах вошел в город и повесил на виселице одного поэта. Посмотрите, кто этого просит – его братья по перу!

Проявление противостояния «художник-правитель» в такой форме потрясает даже самого правителя:

- Поэты отказались от даров, мой повелитель.

- Причина?

- В крепости живет знаменитый поэт, они просят у тебя его голову, о мой повелитель!

Повелитель подошел к евноху Энверу, положил ему на плечо свою сухую, тяжелую, как железо, ладонь.

- Значит, они отказались от драгоценностей величиной с Западную звезду, не захотели индийскую бирюзу... Взамен просят у меня голову живущего в крепости поэта.

Правитель двинулся к центру, уселся на широкой тахте и склонил голову.

- Скажите поэтам, что правитель согласен. – Я повидал много стран, но не видел такую, где поэты требовали бы голову своего собрата. Такую страну можно сравнить с землей [1, 48].

Таким образом, мы видим, что в романе противостояние художник-правитель трансформируется в конфликт художник-художник, причем этот конфликт находит свое продолжение и в современном аспекте романа, когда против Сади эфенди выступают особенно яростно его собратья по перу. Но в этом нет особого противоречия, потому что в тоталитарном обществе в первую очередь идет травля истинных талантов руками их же «единомышленников». Наши интеллигенты проиграли дилемме «художник-правитель» и превратились в «председателей копторглюкса». Палач становится товарищем Салаховым, поэт – Сади эфенди, евнох Энвер – доктором Бергманом, Волчица – Кирликиром. Посредством этих метаморфоз произведение приобретает статус «интертекстуального текста». Писатель хочет сказать, что нынешняя жизнь – очень слабый трансфер сказки в нашу жизнь. То есть, «главный текст» деградировал, опустился на уровень бытовых пересудов...

Время в рамках этого сценария, этой трансформации движется очень медленно. Оно не может ринуться вперед и часто соскальзывает обратно, в мир воспоминаний. Оно застревает в этих ретроспективных «ямах».

Неизменное вторжение прошлого в произведение не очень приятный факт – значит, время потеряло функцию футурологического продвижения и стало скатываться к ностальгии, декадансу. Однако, этот факт по сравнению с Оруэллом должен быть оценен

Проза Ю. Самедоглу частенько путешествует во времени, в итоге сохраняет время живым и свежим, не позволяя времени, часам покинуть мир.

Эти часы начинают потихоньку тикать, время приходит в движение, ведь автор предпринял столько попыток, чтобы привести в движение застывшие стрелки – привнес в это произведение дыхание 30-40-50-ых годов. Время в итоге не выдерживает этого, приходит в движение, принося известие, что в ближайшие дни ожидается юбилей Сади эфенди...

Затем к Большому звонит дочь Сади эфенди – Салима.

Дневник Сади доходит до Больного.

Время сотрясается и приходит в движение.

Однако на этот раз его возвращение в далекие 30-е годы сулит иное вернуться в прошлое, по-настоящему, найти затерянную там истину, значит, затем можно перекинуть мостик и к будущему!

Давайте позволим здесь высказаться самому автору:

«Мутное течение годов было нарушено, стрелки старых часов выкинули шутку, заставили время течь то ли в прошлое, то ли в будущее» [1, 84].

Выводы и перспектива. Дневник Сади эфенди разрушает чары застывшего времени и приводит жизнь в движение. Этот ценный документ, отражающий противостояние «художник-правитель», вторгается в художественный текст из далеких 30-х годов, а может из более глубокой дали. Больной интеллигент, сталкивающийся до сих пор не с самой властью, а его слугами вроде Кирликира, наконец-то входит в мир настоящего противостояния. Вторжение этого противоречия в сюжет не в формах жизни, а в виде другой книги, по сути, естественно.

Так как «сказка о падишахе, его евнухе Энвере, его палаче и правителе» воплощена во сне, фольклоре, далекой памяти, возможно, современные люди уже не слышат это. В итоге на землю, словно аят корана, сходит иной письменный документ. Эта книга входит в произведение в качестве некой священной книги, открывающая его сакральный мир. Тайный мир Сади эфенди наконец-то становится известным всему миру.

Литература

1. Самедоглу Ю. День казни / Ю.Самедоглу. – Баку: Язычы, 1990

Сулейманова Н. Е. Тема «сну і дійсності» в романі Ю. Самедоглу «День страти» / Н. Е. Сулейманова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 488–493.

У статті досліджується роман відомого азербайджанського прозаїка Ю.Самедоглу з точки зору ідеї подвійного світу. Роман «День страти» класифікується як твір, співзвучне жанру антиутопії, вирішує актуальну для ХХ століття проблему людини і влади у своєрідній інтерпретації – художник-правитель. Головна дихотомія в прозі Ю.Самедоглу полягає в протиставленні «сну» і «дійсності», питання про можливість розв'язання і нерозв'язання цієї суперечності. У ході дослідження з'ясовано, що категорія часу в цьому романі своєрідна, воно рухається дуже повільно і схильне до ретроспективи. Автор доходить висновку, що роман «День страти» написаний в драматично – психологічному стилі, співзвучному жанру антиутопії і володіє деякими характерними рисами екзистенціалізму. Таким чином, Ю.Самедоглу вміло поєднав у своєму творі основні течії філософії і віяння ХХ століття, створивши свій самобутній роман.

Ключові слова: тоталітаризм, маса, влада, правитель, художник.

Suleimanova N. E. The theme of «dream and reality» in the «Day of Execution» novel of Y. Samedoglu / N. E. Suleimanova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 488–493.

In the present article the novel of famous Azerbaijani writer Y. Samedoglu is investigated by the point of view of world duality, which creates the basis of the author's sight. The "The Day of Execution" novel is classified as a product, similar to dystopian genre and it decides the actual problem of man and reign relationship in XX century in a peculiar interpretation "painter-governor". However, the theme of dream and reality are the basic constructs of the work content.

The author notes that Y. Samedoglu invented his own model of the totalitarian world representation. He walked away from the European writers accepted model, who believed that totalitarianism is possible only if there is no other world. In the Azerbaijani literature, imbued with deep oriental roots coming from the Nizami, metaphysical idea is always present, shaky and moving boundary of pluralistic life.

The main dichotomy in Y. Samedoglu's prose consists from the opposition to "dream" and "reality", the solubility and insolubility of this contradiction. During the investigation we found that the category of time in the investigated novel is quite peculiar, it moves very slowly and is subject to retrospective.

The author comes to conclusion that the novel "The Day of Execution" is written in a dramatic and psychological style that is similar to dystopian genre and has some of the existentialism distinctive features. The topic of "dream" intersects with Sigmund Freud's psychoanalysis: the characters collide with "I" in their own dreams and their own lacks. Thus, Y. Samedoglu skillfully combined the main currents of sects in his work and trends of the twentieth century, in such a way creating his original novel.

Key words: totalitarianism, crowd, power, governor, painter.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.